

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

22 октября. № 40. 1909 года.

Подписная цѣна

въ годъ съ доставкой и пересылкой—5 рублей. Выходятъ Епарх. Вѣдом. 4 раза въ мѣсяць.

Подписка принимается

у редактора неофициальной части Епарх. Вѣдомост. (Тульская Духовная Семинарія).

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 3 день іюля сего года на награжденіе псаломщиковъ церквей сель: Ново-Петровскаго, Ефремовскаго уѣзда, *Ивана Руднева*, Бѣлаго Колодезя, Одоевскаго уѣзда, *Никиты Рождественскаго* и Знаменскаго-Мышенки, Епифанскаго уѣзда, *Симеона Воскресенскаго* золотыми медалями съ надписью „за усердіе“ для пошенія на шеѣ на Александровской лентѣ за 50 лѣтнюю службу.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Перемѣлы по службѣ.

Рукоположены: діаконъ Богородице-рождественской, что въ Гончарахъ г. Тулы церкви *Никандръ Спасскій* во священника въ

с. Воскресенское на Угѣ, Одоевскаго у.; псаломщикъ с. Куликовки, Епифанскаго у., *Евгеній Димитріевскій* во діакона съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи при церкви того же села—оба 26 сентября; псаломщикъ Христорождественской, что на Оружейной сторонѣ, г. Тулы церкви *Иванъ Тмуновъ* во діакона къ Соборной г. Венева церкви—1 октября; діаконъ с. Архангельскаго, Новосильскаго у., *Григорій Казанскій* во священника въ село Яндовку, Ефремовскаго у.,—4 октября; діаконъ-псаломщикъ Спасопреображенской г. Тулы церкви *Александръ Добрынинъ* во священника въ с. Шатово, Одоевскаго у.,—5 октября.

Перемѣщены: псаломщикъ с. Кишкина, Тульскаго у. *Иванъ Неароновъ* и и. д. псаломщика села Харина, Веневскаго у., *Димитрій Марьюшкинъ* одинъ на мѣсто другого—9 октября: и. д. псаломщика села Башина, Каширскаго у., *Василій Лебедевъ* въ с. Карачево, Одоевскаго у.,—10 октября, псаломщикъ с. Жабьины, Бѣлевскаго у., *Григорій Извольскій* въ с. Башино, Каширскаго уѣзда—10 октября.

Опредѣлены: на священническое мѣсто къ Спасской церкви Жельбинскаго сельскаго пріюта, Тульскаго у. священникъ села Берюльты, Астраханской епархіи, *Владимиръ Демненскій*—12-го октября; на діаконское мѣсто въ с. Маслово на Мечи, Ефремовскаго у., мѣстный заштатный діаконъ *Петръ Лебедевъ* 12 окт.

Допущены къ и. д. псаломщиковъ: въ с. Жабьины, Бѣлевскаго уѣзда, учитель *Василій Шебановъ*; въ село Дупны, Чернскаго у., почетный гражданинъ *Сергій Преображенскій*—оба 7 октября.

Уволенъ отъ должности и. д. псаломщика с. Дупень, Чернскаго у., *Павелъ Кузменко*—14 октября.

Уволенъ за штатъ псаломщикъ с. Карачева, Одоевскаго у., *Петръ Лебедевъ*—10 октября.

Уволенъ отъ должности: казначей Новосильскаго Свято-Духова монастыря іеромонахъ *Евѣимій*—12 октября.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 27 сентября сего года за № 6742, духовный слѣдователь 1 округа церквей гор. Тулы, священникъ *Тихонъ Рождественскій*, согласно прошенію **уволенъ** отъ должности духовнаго слѣдователя, а на его мѣсто **назначенъ** священникъ Петропавловской г. Тулы церкви *Владимиръ Архангельскій*.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 12 октября сего года за № 6987, благочиннымъ по 3 Каширскому округу назначень духовный слѣдователь священникъ с. Жежелни *Серій Виноградовъ*, а священникъ села Теляковъ *Владиміръ Рождественскій* опредѣлень духовнымъ слѣдователемъ по означенному округу.

Утвержденіе церковныхъ старостъ.

Утверждены церковными старостами: по Тульскому уѣзду: къ церкви села Горѣлокъ крестьянинъ *Иванъ Артемовъ*; по Алексинскому уѣзду: къ церкви села Турина крестьянинъ *Василій Костяевъ*; по Богородицкому уѣзду: къ церкви села Никольскаго-Каменки крестьянинъ *Петръ Антиповъ*, къ церкви села Волова крестьянинъ *Иванъ Ежовъ*; по Ефремовскому уѣзду: къ церкви села Богородицкаго-Локотцовъ мѣщанинъ *Теодоръ Токаревъ*, къ церкви села Туртени крестьянинъ *Теодотъ Трушинъ*, къ церкви села Скороднаго дворянинъ *Павелъ Яблочковъ*; по Крапивенскому уѣзду: къ церкви села Карамышева крестьянинъ *Василій Воронниковъ*.

Списокъ пожертвованій.

Поступили пожертванія: въ церковь села Тулица, Алексинскаго уѣзда, отъ Московской мѣщанки *Маріи Кузешной* 1½ пуда восковыхъ свѣчей; въ Благовѣщенскую церковь г. Одоева отъ крестьянина *Василія Теодотова* 4% квитанція Тульскаго Отдѣленія Государственнаго Банка въ 100 руб. на вѣчный вкладъ за поминованіе, въ церковь Успенско-Иверскаго женскаго монастыря отъ вдовы купца *Маріи Якиной* церковной утвари, стоимостью 775 руб. и отъ нея же на построеніе новаго соборнаго храма 4000 руб.

Присоединеніе къ православію.

Лезгинъ Дагестанской области *Омаръ-Дебиръ, Хабжи, Оллы*, магометанскаго исповѣданія, 27 сентября священникомъ села Каднаго, Ефремовскаго уѣзда, *Димитріемъ Ремизовымъ* присоединень къ православной церкви съ нареченіемъ ему имени „Іоаннъ“.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

а) Священническія при церквахъ:

- 1) С. *Ямской слободы*, Новосильскаго уѣзда съ 18 сентября 1908 г.
- 2) С. *Нефедьева*, Кашир. у., со 2 апрѣля сего года.
- 3) С. *Вышняго-Костомарова*, Крап. у., съ 18 іюня с. г.
- 4) С. *Нижней-Пишеви*, Новос. у., съ 19 іюня с. г.
- 5) С. *Спасъ-Котина*, Алексинск. у., съ 20 іюня с. г.
- 6) С. *Успенскаго-Кобылики*, Богородицкаго уѣзда, съ 31 ія ля сего года.
- 7) При *Богородице-Рождественской*, что въ Гончарахъ г. Тулы церкви съ 8 августа.
- 8) С. *Страхова*, Каширскаго уѣзда, съ 29 сентября.
- 9) С. *Рыхотки*, Епифанскаго уѣзда, съ 30 сентября.
- 10) С. *Тургенева*, Чернскаго у., съ 3 октября. Земли ц.
- 11) С. *Рождественной Слободы*, Епифанскаго у., со 2 октября.

б) Діаконскія при церквахъ:

- 1) С. *Миротинъ*, Алексин. у., съ 13 октября 1908 г.
- 2) С. *Бродискаго Никольско-Вяземскаго*, Чернскаго у., съ 18 ноября 1908 г.
- 3) С. *Прошина*, Бѣлев. у., съ 11 января 1909 г.
- 4) С. *Поповки*, Кашир. у., съ 17 февраля с. г.
- 5) С. *Покровскаго-Касимова*, Одоевскаго уѣзда, съ 12 марта сего года.
- 6) С. *Воротынцева*, Новосильскаго у., съ 16 августа 1908 г.
- 7) С. *Орловки-Троицкаго*, Епиф. у., съ 6 марта 1909 г.
- 8) С. *Скоморошекъ*, Одоев. у., съ 20 мая с. г.
- 9) С. *Никольскаго-Буйцъ*, Епиф. у., съ 19 мая с. г.
- 10) С. *Богородицкаго-Бабурина*, Чернскаго уѣзда, съ 3 августа.
- 11) С. *Богоявленскаго на Зарытомъ Верху*, Чернскаго у., съ 9 августа сего года.
- 12) С. *Теплаю*, Крапивенскаго у., съ 24 августа.
- 13) С. *Волжовичей*, Алексинскаго у., съ 1 сентября.
- 14) С. *Старою Гоголя*, Ефремовскаго у., съ 3 августа.
- 15) С. *Архательскаго*, Новосильскаго у., съ 11 сентября.

в) Псаломщическія при церквахъ:

- 1) С. *Мясного*, Тульского у., съ 19 августа.
- 2) С. *Богородицкаго*, Алексинскаго у., съ 1 сентября.

Свѣдѣнія объ означенныхъ мѣстахъ помѣщены въ предыдущихъ №№ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Кромѣ того вновь открылись:

Діаконское при церкви:

- 1) С. *Прудного*, Тульского у., съ 12 октября. Земли церков. 37 дес. 10 саж. Прихожанъ м. п. 1237. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ % съ капитала 1075 р. вмѣстѣ съ церковью.

Псаломщическія при церквахъ:

- 1) С. *Боявленскаго Киселева*, Новосильскаго у., съ 12 окт. Земли цер. 42 дес. 380 саж. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ казеннаго жалованья въ размѣрѣ 539 р. въ годъ и % съ 340 р.

ТУЛЬСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

22 октября.

№ 40.

1909 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

КЪ ВОПРОСУ о задачахъ современнаго пастырства.

„Да кійждо васъ являетъ тщаніе ко извѣщенію упованія даже до конца; да не лѣниви будете, но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣроу и долготерпѣніемъ“. (Къ евреямъ, гл. 6, ст. 11—12).

„Бывайте же творцы слова, а не точію слышатели, прелщающе себе самѣхъ“. (Іаков. гл. 1, ст. 22).

Едва-ли кто не сознаеть, что наше время — тяжелое время для православнаго духовенства. Оно тяжело по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ приходится работать духовенству, тою средою, которая создалась печальными событіями послѣднихъ лѣтъ, тѣми задачами, которыя открываютъ духовенству широкое, но тяжелое поле труда и борьбы съ невѣріемъ, религіознымъ индефферентизмомъ и противодерковными вѣяніями жизни. Невѣріе и индефферентизмъ проникають и въ деревню... И не знаемъ, что опаснѣе — отрицательныя ли по отношенію къ религіи рѣчи пришедшаго въ деревню изъ города рабочаго, или посѣянный другими въ душѣ мирнаго крестьянина индефферентизмъ, то религіозное равнодушіе, при которомъ засыпаетъ рели-

гіозное чувство и забываются, ничего не говорятъ сердцу прежде дорогіе завѣты родной, великой вѣрою старины... Но вмѣстѣ съ бременемъ, можетъ быть часто и неудобно-носимымъ, не налагаютъ ли на наше духовенство запросы момента и великой отвѣтственности? Не зоветъ ли время духовныхъ лицъ, какъ борцовъ, на великій подвигъ? И готово ли наше духовенство на этотъ подвигъ, да и готовится ли оно къ нему, старается ли тщательно и всесторонне вооружить себя—вѣрою, что способна горы двигать, знаніями, при которыхъ легче было бы противостоять ученымъ отрицателямъ, горячей любовью къ служенію своему, любовью, способной плавить леденѣющія отъ потухающаго религіознаго чувства сердца православныхъ людей?...

Кто самонадѣянно можетъ дать утвердительный отвѣтъ на наши вопросы? При безпристрастїи едва-ли можно не признать значительной доли правды въ тѣхъ упрекахъ, какіе раздаются въ печати и обществѣ по адресу нашего духовенства, упрекахъ въ его равнодушїи къ вопросамъ жизненно-религіознаго характера, въ его невнимательности къ развивающейся приходской жизни, въ его замкнутости, въ формальное исполненіе своихъ обязанностей религіознаго культа? Что дѣлаетъ духовенство въ цѣляхъ развитія своихъ религіозныхъ познаній и примѣненія ихъ къ жизни? Чѣмъ оно, по окончаніи образованія, питаетъ, дополняетъ и развиваетъ и какъ приспособляетъ къ жизни свои теоретическія познанія, полученныя въ школахъ? Чѣмъ оно възгрѣваетъ въ себѣ духъ вѣры? Въ послѣдніе годы мы слышимъ, что только въ средѣ столичнаго духовенства образуются пастырскіе кружки, не тѣ кружки, что пытались брать на себя роль непрошенныхъ руководителей церкви, а тѣ, въ которыхъ обсуждались вопросы чисто-пастырской дѣятельности, жизненные вопросы минуты —

о способах сближенія съ религіозно-индефферентнымъ обществомъ, о средствахъ привлеченія его къ жизни прихода и церкви, о воспитаніи дѣтей въ духѣ нравственно-христіанскомъ. Лучшія силы духовенства сознаютъ нужду въ единеніи между собою для поднятія религіозно-пастырской энергіи... Онѣ отъ всего сердца печатно зовутъ къ этому духовенство. Отъ всего сердца и надо дѣятельно откликнуться на этотъ призывъ нашему духовенству. Собираясь другъ у друга, наши пастыри много ли бесѣдуютъ о вопросахъ вѣры, съ горячимъ ли интересомъ, съ душею ли? Не правда ли—рѣдко и очень рѣдко? Въ кружкахъ городскихъ протоіереевъ и іереевъ часто услышите рѣчи объ архіереѣ, о его приближенныхъ, о томъ, кто былъ у архіерея, что архіерей сказалъ, кого отличилъ, кого опредѣлилъ на какое мѣсто, рѣчи о консисторіи, ея секретарѣ, о доходности приходоѡ, о томъ, кто получилъ или тщится получить законоучительство и проч. Рѣдко заговаряютъ о вопросахъ книжныхъ, научно-богословскихъ... Въ селѣ еще мельче интересы: рассказы, часто миѡическаго характера, объ архіереѣ, секретарѣ консисторіи, о наблюдателѣ школь, благочинномъ, разговоры о хозяйствѣ, доходахъ... Все это жизненные разговоры: спорятъ. Но почему не жизненны для духовенства другіе вопросы? Гдѣ потерянь интересъ къ нимъ и какъ его найдти? Бываютъ сѣзды духовенства, ихъ депутатовъ, сѣзды благочинныхъ. Рѣшается масса вопросовъ, вопросовъ общецархіальнаго хозяйства, о содержаніи духовно-учебныхъ заведеній, о кассахъ и т. д., и только въ рѣдкихъ случаяхъ затрогиваютъ вопросы о поднятій уровня знаній священно-церковно-служителей, о способахъ этого, и если подобные вопросы ставятъ лица, болѣющія душею за духовенство, то эти вопросы рѣдко возбуждаютъ интересъ и находятъ поддержку въ членахъ сѣзда. Нѣтъ именно

интереса... Онъ потерянь, и это—печальнѣе всего въ наличной дѣйствительности. Обыкновенно, и духовенство, и свѣтскіе люди привыкли обвинять семинаріи въ томъ, что онѣ даютъ мало познаній кандидатамъ священства; и въ этомъ видятъ единственную вину тягостей пастырскаго служенія. Но это значитъ—переносить вопросъ въ другую плоскость,—легкой ссылкой или серьезно-вдумчивой критикой недостатковъ семинарскаго образованія оградить себя отъ упрековъ другими въ бездѣйствіи послѣ школы, или успокоить себя. Мы крайне-далеки, къ сожалѣнію, отъ защиты образованія семинарскаго, недостатки котораго сознаются и дѣятелями его. Мы имѣемъ въ виду послѣ—школьный трудъ духовенства для его самообразованія. Мы хотимъ подчеркнуть наше твердое убѣжденіе, что никакая школа не можетъ дать того, что даетъ жизнь. Каждый день жизнь приноситъ новые запросы, при различныхъ обстоятельствахъ различные. Школа должна дать основныя знанія, но неужели священникъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что дала школа? И если школа не дала любви къ духовному вѣдѣнію, не долженъ ли принявшій на себя великій санъ возгрѣвать въ себѣ любовь эту, какъ человѣкъ, пришедшій въ мѣру возраста совершенна? Не долженъ ли онъ всегда и послѣ курса ученія трудиться и трудиться объ упованіи своемъ? Несомнѣнно. Ни одно знаніе не можетъ жить безъ его поддержки, развитія, совершенствованія. Ни одна семинарія не сдѣлаетъ изъ человѣка священника, на *всю* жизнь *готоваго* отвѣчать *всякому* объ упованіи своемъ. Но трудятся ли надъ своимъ самообразованіемъ наши священники? Не бываетъ ли часто такъ, что даже въ «Церковныхъ» и «Епархіальныхъ» священникъ мало что читаетъ, кромѣ отдѣла оффиціального (о перемѣнахъ по службѣ, распоряженія и проч.). Многіе ли изъ священниковъ, даже го-

родскихъ, читають духовные или свѣтскіе журналы (развѣ беллетристику?) и знаютъ ихъ направленіе, характеръ. Пусть читатель отвѣтитъ по совѣсти. Скажутъ, что духовенство, особенно сельское, не имѣетъ средствъ выписывать разные журналы. Да. Но здѣсь то и должно придти на помощь единичнымъ лицамъ все духовенство. Имъ должны быть выработаны средства и способы этой помощи. Это, несомнѣнно, возможно. Такъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, обычно губернскихъ, имѣются книжные склады. Пусть при нихъ будутъ читальни. Мы знали одну такую читальню: ея посѣтителеми были и духовныя лица, и питомцы семинаріи, и свѣтскіе люди, любящіе церковь и «божественную» книгу. И можетъ быть, не въ одну душу читальня эта заронила любовь къ духовному чтенію, къ Богу... Въ селахъ священники могутъ брать книги изъ благочиннической библіотеки. Это мы указываемъ для примѣра. Мѣры по снабженію духовенства книгами это дѣло мѣстное. Главное — надо поддержать интересъ къ чтенію, къ книгѣ, къ самообразованію. Поддержать въ себѣ и другъ въ другѣ. Пора духовенству взяться за это дѣло. Пора. Время не ждетъ... Приходилось слышать: «гдѣ намъ, бѣднымъ священникамъ, еще читать, разсуждать. Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь, да и горя у духовенства много». Лѣтомъ, правда, много труда у сельскаго пастыря по уборкѣ и обработкѣ полей, но зимой у него при желаніи всегда найдется время, чтобы заняться книгой. У городскихъ іереевъ—всѣ знаютъ—для этого есть время. Что касается «горя духовенства» — то не въ духовной ли работѣ, не въ бесѣдѣ ли съ книгой — другомъ можетъ пастырь найти забвеніе въ печали и иногда — отвлеченіе отъ горькой чаши? Сплотившись тѣсно для совмѣстной работы, поддержите своего члена, дайте ему духовное утѣшеніе, котораго онъ былъ лишенъ, — интересъ

и отдыхъ въ книгѣ, въ духовной работѣ надъ самообразованіемъ. Свѣтлѣе тогда будетъ всѣмъ и каждому смотрѣть въ будущее пастырскаго дѣла. Скажете: ничего не выйдетъ, такъ жизнь сложилась, все это слова только... Да,—для того, кто не хочетъ, чтобы эти слова выбили его изъ покойной, насиженной ячейки... Не проклиняйте жизнь, не браните людей, не заволакивайте для себя и для другихъ небо жизни темными тучами, не говорите, что впереди нельзя ждать добра. Надо работать надъ жизнью, надъ собой, надъ другими, дружно работать и въ этой работѣ поддерживать другъ друга. Сталью по кремню бьютъ, и отъ кремня летятъ снопы искръ. Душа человѣческая—не кремень, лишь ударьте по ней сильнымъ, содержательнымъ, искреннимъ, огненнымъ словомъ. Ваша душа, какъ наша планета, подъ отвердѣвшей корой хранить въ себѣ внутренній огонь. Этотъ огонь—искра Божія. И отъ искры загорится огонь во многихъ душахъ... Этотъ огонь—преданность исконная нашего духовенства церкви православной, глубокая вѣра. И у насъ есть путеводная звѣзда. Она зажглась тысячу девятьсотъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ виолеемскую ночь. По этой звѣздѣ, при нашихъ колебаніяхъ въ жизни, при «исконіи путей», и надо держать путь... Идетъ духовенство по этому пути, и хочется вѣрить, что, при общихъ усиліяхъ, оно зажжетъ на этомъ пути яркій огонь вѣры глубокой и горячей въ душахъ людей, въ душахъ, гдѣ тухнетъ, умалывается, но никогда не погасаетъ совсѣмъ искра Божія!

Т—ій.

Церковный уставъ о поклонахъ.

Въ церкви Божіей, по слову святаго Апостола Павла, все должно быть благопристойно и чинно (1 Кор. 14 гл., 40 ст.). Святые отцы, согласно сему наставленію святаго Апостола Павла, изложили уставъ о поклонахъ въ церковныхъ службахъ для те-

го, чтобы церковное богослужение было благопристойно и чинно. По уставу святых отецъ въ церковной службѣ нельзя произвольно творить поклоны, чтобы тѣмъ не нарушить порядокъ церковнаго благочинія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и оставлять тѣ поклоны, которые заповѣдываются уставомъ и приняты святою церковью во всеобдержность. Въ предисловіяхъ къ древнимъ псалтирямъ сказано: „Поклоновъ кромѣ уставныхъ никако же дерзнемъ творити, да не будемъ соблазнъ людямъ... А яко же нѣдци творятъ поклоны во время святыхъ литургій, или во иныя службы, кромѣ уставнаго повелѣнія, и то творятъ не по преданію святыхъ отецъ, ниже во спасеніе себѣ, но и паче въ грѣхъ. Подобаеть бо въ церковныхъ собраніяхъ христіанскихъ хранить уставное повелѣніе, еже предано святыми отцы. Аще ли кто мощенъ и, отъ произволенія или усердія своего къ Богу, хоцеть вящше уставнаго повелѣнія поклоны творити, или молитвы, се не въ церковныхъ собраніяхъ и службахъ исправляетъ, но въ келіи и дома особнѣ, келія и домъ бо устава не имѣютъ, но каждою убо бываетъ на произволеніе хотящаго спастись“. Въ настоящее время уставное повелѣніе о поклонахъ предано забвенію не только мірянами, но и священно-церковно-служителями, такъ какъ ими, большею частью, оставляются тѣ поклоны, которые показаны и требуются уставомъ и приняты во всеобдержность святою Церковію, и позволяются произвольно поклоны въ церковныхъ собраніяхъ и службахъ, тѣмъ и нарушаются тишина и порядокъ церковнаго благочинія.—Поэтому полезно знать и исполнять уставъ святыхъ отецъ о поклонахъ въ церковныхъ собраніяхъ и службахъ.

Необходимо каждому мірянину, или монаху, исходящему изъ дома или изъ келіи направляющему стопы своя въ церковь, совершить такъ называемый семипоклонный началъ какъ въ домѣ, или келіи, такъ и въ церкви.—или такъ называемые исходные и приходные поклоны. Въ церкви во время чтенія молитвы Святому Духу, когда ея начинается какаѣ-либо служба, нужно ограждать себя крестнымъ знаменіемъ безъ поклона, который полагается только въ Великомъ посту. На Трисвятомъ полагаются три поклона въ поясъ, безъ поклоновъ поется Трисвятое послѣ великаго славословія и предъ чтеніемъ апостола. Во время пѣнія или чтенія молитвы Господней на литургіи полагается также поясной поклонъ, во всѣхъ же другихъ службахъ не полагается.

На „Прїидите поклонимся“—три поясныхъ поклона, кромѣ этого, когда въ псалмахъ, стихирихъ, или тропаряхъ встрѣчаются слова: „кланяюсь, поклоняюсь, кланяемся, поклоняемся, или поклонимся“, всегда надо кланяться въ поясъ. На аллилуїа послѣ славы за какимъ-либо псалмомъ всегда нужно класть три поясныхъ поклона, только среди шестопсалмія аллилуїа читается безъ поклоновъ.—Во время чтенія на вечернѣ „Сподоби Господи“ и во время пѣнія на всенощномъ бдѣніи „Буди Имя Господне“... полагаются также по три пояснымъ поклона. На вечернѣ, равно и на утренѣ предъ отпustomъ полагаются поясные поклоны: одинъ послѣ „Честнѣйшую“..., одинъ на „Слава Отцу“..., одинъ на „И нынѣ и присно“..., и два на „Господи помилуй“, „Господи помилуй, Господи благослови“. На „Честнѣйшую Херувимъ“, когда сія пѣснь бываетъ и въ срединѣ какого-либо послѣдованія, всегда полагается поясной поклонъ. На припѣвахъ великаго и малаго повечерія: „Пресвятая Владычице Богородице моли о насъ грѣшныхъ“... полагается по поклону поясному. На „Слава въ вышнихъ Богу“ на этихъ же службахъ полагаются три поклона. На отпустѣ повечерій поклоновъ нѣтъ, такъ какъ положено прощенье. На полунощницѣ при началѣ на слава Тебѣ Боже нашъ... нужно оградить себя крестнымъ знаменіемъ безъ поклона, тоже самое нужно сдѣлать на утренѣ въ началѣ шестопсалмія.—Во время перваго и послѣдняго величанія празднику на утренѣ, когда бываетъ полїелей, полагается по одному земному поклону, на цѣлованіе праздничной иконы, или Евангелія въ воскресные дни, или же креста въ крестный праздникъ до цѣлованія два земныхъ поклона и по цѣлованіи—третій также земной. На „Слава Тебѣ Господи“ предъ чтеніемъ и послѣ чтенія Евангелія также полагается по одному поклону поясному. Послѣ осѣненія Евангеліемъ отъ Царскихъ вратъ, послѣ цѣлованія его, полагается одинъ поясной поклонъ.—На начальныхъ запѣвахъ первой и послѣдней пѣсни во всѣхъ канонахъ всегда полагается по одному поясному поклону. На 8-ой катавасіи утренняго канона также полагается одинъ поклонъ, на пѣснь Богородицы: „Величитъ душа моя Господа“... съ „Честнѣйшую Херувимъ“ полагаются 6 поясныхъ поклоновъ по числу 6 стиховъ, а послѣдній поклонъ—земный. Если же въ какой-либо праздникъ не поется: „Величитъ душа моя“, то на ирмосахъ и начальныхъ припѣвахъ 9-й пѣсни полагается по одному поясному поклону.—На „Достойно есть“

или на то, что поется вмѣсто „Достойно есть“... всегда полагается земной поклонъ,—на великомъ славословіи въ началѣ его всегда три поясныхъ поклона полагается, а на отпустѣ утрени, какъ и на вечернѣ, четыре таковыхъ же поклона. На отпустѣ 1-го часа три поясныхъ поклона. На литургіи полагаются слѣдующіе поклоны: на каждомъ прошеніи великой ектеніи по одному поясному поклону, на „Единородный Сыне“... нужно оградить себя крестнымъ знаменіемъ безъ поклона, на выходѣ съ Евангеліемъ—поклонъ земной, предъ чтеніемъ и послѣ чтенія Евангелія на словахъ: „Слава Тебѣ Боже“...—по одному поясному поклону, на переносѣ святыхъ Даровъ—три поклона: два поясныхъ и послѣдній земной, предъ чтеніемъ или пѣніемъ: „Вѣрую“ нужно оградить себя крестнымъ знаменіемъ безъ поклона, на возглашеніи Господнихъ Словъ: „Примите, ядите“... одинъ поясной поклонъ, на словахъ: „Пійте отъ Нея вси“... также одинъ поясной поклонъ, послѣ освященія Святыхъ Даровъ одинъ земной поклонъ, послѣ „Достойно“ также одинъ земной поклонъ. На словахъ: „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“... „Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ и на Господи помилуй по заамвонной молитвѣ по одному поясному поклону, на „Буди имя Господне“... три поясныхъ поклона, на огражденіи крестомъ отъ царскихъ вратъ на отпустѣ поясной поклонъ, но при огражденіи порознь каждый знаменуетъ себя крестомъ безъ поклона и цѣлуетъ крестъ въ правую ножку Спасителя,—на отпустѣ литургіи три поясныхъ поклона.

На молебнахъ на начальныхъ загѣвахъ первой и послѣдней пѣсни канонныхъ по одному поясному поклону, на всѣхъ катавасіяхъ во всѣхъ пѣсняхъ по одному поясному поклону, а по катавасіи на трикратномъ Господи помилуй по три поклона.

На панихидахъ, когда поютъ 40 разъ Господи помилуй, по одному поясному поклону, а также и на литургіиной заупокойной ектеніи по одному поясному поклону. Когда священникъ начинаетъ какую-либо службу возгласами: „Благословенъ Богъ Нашъ“, или „Слава Святѣй“, или же „Благословенно Царство“, то предъ сими возгласами всегда полагаетъ три поясныхъ поклона съ молитвою: „Боже, очисти мя грѣшнаго“, „Создавый мя Господи и помилуй мя“ и „Безъ числа согрѣшихъ, Господи помилуй и прости мя грѣшнаго“. Такіе же поклоны онъ полагаетъ у престола и предъ выходомъ съ кадиломъ и Евангеліемъ и когда

закончить каждое, а также когда выходитъ предъ царскія двери читать вечернія и утреннія молитвы среди шестопсалмія.

Когда какая-нибудь необходимость вынудитъ кого-нибудь прежде отпуска выйти изъ церкви, то, при выходѣ и по возвращеніи, такой человѣкъ по три поясныхъ поклона полагаетъ.

Когда монахъ, или мірянинъ послѣ отпуска литургійнаго выходитъ изъ церкви, то, по входѣ въ домъ или келію, поетъ или читаетъ: „Достойно есть“ ..., послѣ чего полагаетъ земной поклонъ, также читаетъ или поетъ: „Слава и Нынѣ“, — „Господи помилуй“, два раза „Господи благослови“ и полагаетъ при этомъ три поясныхъ поклона, послѣ чего произноситъ: „Молитвами Пречистыя Твоя Матери (святаго, его же день) и всѣхъ святыхъ Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ“.

Предъ обѣдомъ послѣ: „Благословенъ Богъ нашъ“ ... полагается одинъ поясной поклонъ, послѣ „Отче нашъ“ ... „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу“, такой же поклонъ, послѣ „и нынѣ и присно“ ... такой же поклонъ, послѣ „Господи помилуй“ два раза „Господи благослови“ — таковой же поклонъ. Послѣ молитвы: „Христе Боже! Благослови...“ полагается три поясныхъ поклона при словахъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, „Создавый мя Господи и помилуй мя“ и „безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй и прости мя грѣшнаго“. Послѣ обѣда при словахъ: „Благословенъ Богъ нашъ всегда...“ поясной поклонъ, послѣ „Достойно есть...“ такой же поклонъ, послѣ: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу“ такой же поклонъ, послѣ „Господи помилуй“ два раза „Господи благослови“ такой же поклонъ. Послѣ словъ: „Благословенъ Богъ милуя и питая насъ отъ своихъ богатыхъ даровъ, благодатию и человеколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ полагаются 12 поясныхъ поклоновъ съ молитвою Иисусовою, послѣ которыхъ благодарятъ хозяина и затѣмъ еще три поклона при словахъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ (поклонъ), „Создавый мя Господи и помилуй мя“ (поклонъ) и „Безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй и прости мя грѣшнаго“ (поклонъ). Таковые и столько же поклоновъ полагается какъ предъ вечерью, такъ и послѣ вечера, т. е. предъ ужиномъ и послѣ ужина.

Какъ должны совершаться по уставу поклоны поясные и земные? Поклоны поясные называются иначе малыми и, по ученію церковнаго устава, совершаются чрезъ такое наклоненіе головы,

при которомъ можно рукою достать до земли, или „елико можетъ человекъ право (т. е. прямо) стоя поклониться, не падая колынами, ниже голову приклонити до земли“. Земные поклоны называются еще великими и совершаются „елико мощи головою до земли довести“; для сего предъ каждымъ такимъ поклономъ кланяющійся долженъ принимать прямое положеніе тѣла, долженъ распрямляться во весь ростъ, а не гнуться въ дугу. Церковный уставъ обличаетъ тѣхъ, которые слѣшно творятъ поклоны и которые, по словамъ устава, „бываютъ аки юродѣ, ниже сами себя видятъ, что творятъ“, а равно и тѣхъ, которые, когда творятъ поклоны, не „зрятъ на предстоятеля церкви, но инъ инаго предваряютъ, мнутъся, аки тростіе вѣтромъ колеблемы, не смотря лучшаго, ниже хотять научиться, но елико кто какъ составилъ свой правъ, такъ и утверждается быти“. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинство поклоновъ заключается не въ одномъ ихъ внѣшнемъ приличіи и благообразіи, но и во внутреннемъ душевномъ расположеніи кланяющагося. Вотъ свидѣтельство церковнаго устава объ этомъ: „Въ поклонахъ и молитвахъ будемъ подражательны глаголющему: Духъ есть Богъ, духомъ и истиною кланяющихся хочеть“. Истинное благочестіе требуетъ, чтобы мы служили Богу всѣмъ нашимъ существомъ: душою и тѣломъ. Поэтому худо поступаютъ тѣ, которые видятъ сущность богомолья въ однихъ только поклонахъ и другихъ наружныхъ дѣйствіяхъ, безъ участія духа, а равно и тѣ, которые кланяются однимъ духовнымъ служеніемъ Богу, а тѣломъ своимъ не упражняются въ подвигахъ благочестія.—Христіанская религія, это религія—духа и свободы. Поэтому, не стѣсняетъ ли церковный уставъ своимъ ученіемъ о поклонахъ свободу чадъ Церкви? Нисколько. Церковь, какъ мать чадолюбивая, не стѣсняетъ порывовъ благочестиваго чувства своихъ чадъ, по съ любовію взираетъ на тѣхъ изъ молящихся, души коихъ все болѣе и болѣе возвышаются къ Богу, но при этомъ во время общественныхъ и церковныхъ молитвъ не допускаетъ произвольныхъ дѣйствій, могущихъ нарушить тишину и порядокъ церковнаго благочинія. Вотъ доказательство этой истины. Колыноприклоненіе употреблялось при богослуженіи какъ въ старомъ завѣтѣ (3 Цар. VIII, 54 ст. и Даніил. пр. VI, 10 ст.), такъ и въ новомъ (Еванг. Луки XXII, 41., Дѣян. VII, 60, IX, 40 ст., XX, 36, XXI, 5 ст. и Апогал. IV, 10 и VII, 11, а равно и древними христіанами, о чемъ свидѣлствуютъ: Евсевій, святой

Василій великій и многіе другіе; тѣмъ не менѣе это виѣшнее священное дѣйствіе Церковь своимъ чадамъ воспретила въ свои воскресные дни и въ дни отъ пасхи до пятидесятницы. Писатель второго вѣка — Тертуліанъ свидѣтельствуесть объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Въ день Господень (т. е. воскресный) мы считаемъ неприличнымъ поститься или преклонять колѣна: той же свободой мы пользуемся отъ пасхи до пятидесятницы“. Въ 20-мъ правилѣ 1-го вселенскаго собора читаемъ: „Поелику суть нѣкоторыя, преклоняющіе колѣна въ день Господень и во дни пятидесятницы: то дабы во всѣхъ епархіяхъ все одинаково соблюдаемо было, угодно святому собору, да стояще приносятъ молитвы къ Богу“. То же гласитъ и 90-е правило Трульскаго собора, — которое поясняетъ, что отъ богоносныхъ отецъ канонически предано не преклоняти колѣнъ во дни воскресные ради чести Воскресенія Христова. Какъ указанными церковными законоположеніями не стѣсняется свобода христіанская по вопросу о колѣнопреклоненіяхъ, такъ точно не стѣсняется, а тѣмъ болѣе не ограничивается эта свобода и по вопросу о поклонахъ ученіемъ церковнаго устава о семъ предметѣ. По уставу полагается 300 днешныхъ поклоновъ, бываемыхъ въ церкви, кромѣ полунощницы. Поклоны, воображенныя отъ свитыхъ отецъ, „нѣсть лѣло презирати неже великому законоположителю“, — читаемъ въ церковномъ уставѣ. Не презираютъ ли церковные поклоны тѣ, которые, считая ихъ лишними, ненужными, а потому бесполезными, не кланяются по уставу Церкви? Да, такіе христіане презираютъ церковные поклоны, такіе христіане охотно исполняютъ требованія земныхъ учреждений, имѣющихъ своею цѣлью временное благополучіе человѣка, требованія — иногда мелочныя, иногда прямо вредныя для людей, а не подчиняются требованію божественнаго учрежденія — Церкви Христовой, — имѣющей своею цѣлью не только временное, но и вѣчное благополучіе своихъ чадъ. — Святые, болѣе совершенные среди людей, считали и считаютъ церковные поклоны полезными и необходимыми и потому и уставъ о нихъ положили. О ливійскомъ инокѣ Павлѣ древніе повѣствуютъ, что онъ ежедневно возносилъ 300 молитвъ, сопровождая каждую молитву поклономъ, а чтобы не ошибиться въ счетъ ихъ, онъ клалъ за пазуху 300 камешковъ и при каждомъ поклонѣ и при каждой молитвѣ выбрасывалъ по одному. Если святые такъ смотрѣли на поклоны, то какое основаніе, какое по-

бужденіе мы, грѣшныя, имѣемъ къ неповиновенію ученію Церкви о поклонахъ? Неужели святымъ поклоны нужны, а намъ грѣшнымъ не нужны? Неужели поклоны для святыхъ были полезны, а для насъ грѣшныхъ вредны? Почему святые отцы сами употребляли поклоны во время молитвы и намъ заповѣдали такъ поступать? Они такъ поступали потому, что поклоны считали однимъ изъ лучшихъ средствъ къ приведенію духа въ молитвенное состояніе. Черезъ поклоны тѣло приводится въ движеніе, получаетъ бодрость, легкость и живость и, такимъ образомъ, становится послушнымъ орудіемъ духа въ его молитвенныхъ занятіяхъ, и не только не препятствуетъ, а содѣйствуетъ имъ. Поэтому, тѣ христіане, которые тяготятся поклонами вообще и церковными поклонами въ особенности, и неохотно творятъ ихъ, по уставу Церкви, не желаютъ сдѣлать плоть свою, всегда склонную ко сну, покою илѣтъ и, вообще, привязанную къ землѣ, послушнымъ орудіемъ своего безсмертнаго духа въ его молитвенныхъ занятіяхъ. (Кишинев. Еп. Вѣд. № 31).

Отъ Кисловодска до Сухума.

(Путевыя записки).

Лѣтомъ 1909 года группою тульскихъ семинаристовъ, съ инспекторомъ во главѣ, было предпринято грандіозное путешествіе, главною цѣлью котораго былъ Кавказъ. Экскурсіи въ наши дни не рѣдки; но мы не преувеличимъ, если назовемъ это путешествіе выдающимся: кромѣ Кавказа мы должны были увидать большую часть Волги и Крымъ. Было-бы излишне говорить что-либо о Крымѣ или Волгѣ, о которыхъ знаетъ большинство, одни — благодаря личному знакомству съ ними, другіе — благодаря журналамъ, книгамъ и путеводителямъ. Въ другихъ условіяхъ находится Кавказъ, экскурсіи въ который совершаются не такъ часто, какъ въ Крымъ или на Волгу. Желая ознакомиться съ нимъ вполнѣ, увидать его въ первобытной чистотѣ и красотѣ, мы нарочно избрали путемъ своимъ такую дорогу, которая-бы вполнѣ соответствовала нашимъ цѣлямъ: Военно-Сухумскую. И мы не ошиблись, избравъ именно эту дорогу. Она исполнена такихъ поразительныхъ красотъ, такъ живописна и роскошна, что ее нужно, дѣйствительно, видѣть самому, чтобы имѣть о ней полное понятіе.

Однако, въ виду почти совершеннаго отсутствія какихъ-бы то ни было свѣдѣній относительно этой трудной но и красивѣйшей дороги, мы полагаемъ, что предлагаемое описаніе ея не будетъ излишнимъ. Попытаемъ же обрисовать хотя-бы общими чертами эту дорогу, являющуюся, кажется, единственной дорогой, которая не утратила еще своей дѣвственной чарующей прелести.

18 іюля, часовъ въ 12 дня, небольшая группа, состоявшая изъ 17 человекъ экскурсантовъ и 4-хъ извозчиковъ, выѣзжала изъ Кисловодска, направляясь въ Сухумъ.

Еще утромъ этого дня мы были въ нерѣшимости: ѣхать или вѣтъ. Стояла пасмурная, дождливая погода, которая могла затянуться на долгое время, и отправляться въ горы по малоизвѣстной и малонаселенной дорогѣ на такое разстояніе было-бы рискованно. Но, къ счастью, къ полдню погода разгулялась, если и не совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, на столько, что солнце выглянуло изъ разорванныхъ облаковъ и залило своимъ горячимъ свѣтомъ мокрую землю. Теперь мы уже не колебались. Предстоящій путь, бывший главною цѣлью нашего большого путешествія, манилъ насъ и привлекалъ къ себѣ. Нужно было проѣхать болѣе 100 верстъ на линейкахъ по дикой горной дорогѣ, перейти черезъ хребетъ и пройти остающіяся 110 верстъ пѣшкомъ, прежде чѣмъ достигнуть Сухума. Что особенно пріятно въ такомъ путешествіи, это увидѣть Кавказъ лицомъ къ лицу и узнать черезъ личные наблюденія и опытъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, пройдя по такой малоизвѣстной и дикой дорогѣ, какой является Военно-Сухумская. Понятно, что мы очень были рады тому, что дождь прекратился и погода разгулялась. При помощи извозчиковъ мы увязали свой небольшой багажъ на четырехъ ливейкахъ, на которыхъ размѣстились и сами, и, сдѣлавъ необходимыя погуки въ городѣ, выѣхали изъ него.

Дорога, вначалѣ тяжелая отъ грязи, пристававшей къ колесамъ, сразу пошла въ гору. Пришлось ѣхать шагомъ. Поднявшись, наконецъ, на гору, мы увидѣли Кисловодскъ подъ своимъ ногами. Послѣдній разъ посмотрѣли мы на городъ, въ которомъ пробыли нѣсколько дней. Теперь мы на неопредѣленное время вступили въ горы и порывали всякую связь съ внѣшнимъ цивилизованнымъ міромъ. Мало-по-малу Кисловодскъ становился все меньше

и меньше; скоро онъ исчезъ изъ нашихъ глазъ, утонувъ совершенно въ голубоватомъ туманѣ.

Дорога шла равниной, по бокамъ которой высились вдалебѣ горы, покрытыя травой. Мѣстность была еще открытая, пастоящія горы были далеко впереди.

Погода стояла отличная. Было жарко. По небу еще носились небольшія облачка; но ихъ было немного. Освѣженный дождемъ воздухъ былъ упоенъ ароматомъ цвѣтовъ и травъ, которые росли по бокамъ дороги и роскошнымъ ковромъ покрывали всю долину. Часто намъ приходилось переѣзжать маленькіе ручейки съ чистой, прозрачной водой. Около одного изъ нихъ часа въ 3 дня была сдѣлана остановка. Здѣсь мы отдохнули, закусивъ взятой нами провизіи. Жара уже начала спадать, дорога высохла и, когда послѣ отдыха мы опять пустились въ путь, онъ показался для насъ несравненно легче, чѣмъ былъ вначалѣ.

Видъ мѣстности почти не измѣнился. Только горы стали отложе и еще шире стала та долина-степь, по которой мы ѣхали. Иногда навстрѣчу намъ попадались горцы. Это были почти всѣ безъ исключенія всадники. Одѣтые въ длинную свою одежду съ патронами на груди и громаднымъ кинжаломъ у пояса, въ черной громадной шапкѣ, лихо запрокинутой на затылокъ, и въ черной-же лохматой буркѣ, съ смуглыми мужественными лицами, — они такъ стройно и твердо сидѣли на своихъ красивыхъ скакунахъ, что составляли съ ними какъ-бы одно нераздѣльное цѣлое. Скоро мы увидали цѣлую группу горцевъ; и стариковъ, и взрослыхъ, и совсѣмъ дѣтей. Это было въ Тамбеевскомъ аулѣ, куда мы пріѣхали часамъ къ 5 вечера. Жители этого поселка — татары. У дороги стоитъ небольшая деревянная мечеть съ бѣлыми стѣнами и зеленой крышей. Около нея, на лужайкѣ расположилась толпа татаръ. Среди нихъ было большое оживленіе: только что кончилось состязаніе въ верховой ѣздѣ, и народъ еще не разошелся. Группа ихъ, расположенная на лужайкѣ, была такъ живописна и картинна, что невольно приковывала къ себѣ взоръ наблюдателя. Мы сдѣлали съ нихъ фотографическій снимокъ, на что они согласились съ большою охотою.

Послѣ небольшой остановки въ аулѣ мы продолжали свой путь. Стало значительно прохладнѣе; на высохшей дорогѣ появилась пыль. Лошади шли дружно, тѣмъ болѣе, что дорога шла постепенно подъ гору. Часамъ къ 7 вечера дорога стала спускаться

въ лощину, на днѣ которой протекалъ небольшой ручей, весь обросшій кустарникомъ; поднявшись отсюда немного на гору, мы остановились и рѣшили здѣсь переночевать. Было еще не поздно, но лошади сильно устали, да и мы всё хотѣли отдохнуть, чтобы встать завтра съ восходомъ солнца. Распрягли лошадей, набрали хворосту для костра, затѣмъ наполнили чайники водою и поставили ихъ на огонь. Костеръ весело запылалъ въ степи; голубоватый столбъ дыма шель отъ него и расплывался въ вечернемъ воздухѣ.

Между тѣмъ начало темнѣть. Наступили сумерки, а затѣмъ и ночь. Расположившись спать, кто на линейкахъ, кто на травѣ, мы вскорѣ заснули тѣмъ праведнымъ сномъ, который знакомъ всякому путешественнику, проѣхавшему около 30 верстъ на лошадяхъ. Ночь была теплая. Собрался было дождь, но туча скоро прошла и выглянула полная луна. Въ бездонной темно-синей глубинѣ воздушнаго океана одна за другой замерцали звѣзды. Въ 9 часовъ мы уже спали, намѣреваясь завтра подняться какъ можно раньше.

Въ 4 часа утра слѣдующаго дня мы, дѣйствительно, были на ногахъ. Солнце еще не всходило, хотя восточная сторона неба уже была объята пламенемъ пурпура и золота. Было очень холодно. Быстро собрались, увязали свои вещи и стали запрягать лошадей. Между тѣмъ громадный огненный шаръ медленно поднялся изъ-за горизонта и залилъ своимъ свѣтомъ влажную отъ росы землю. Утро было чудное: на небѣ ни облачка, и день обѣщалъ быть очень жаркимъ.

Поднявшись на гору, мы увидали первый разъ во время нашего пути снѣжную вершину; это былъ Эльбрусъ. Теперь онъ казался гораздо яснѣе и отчетливѣе, да и размѣры его значительно увеличились по сравненію съ тѣми, которые наблюдались нами изъ Пятигорска. Дорога, между тѣмъ, идетъ опять равниной, которой, кажется, и конца не будетъ. Только вдали направо далеко, далеко въ тонкомъ прозрачномъ туманѣ тонуть горы. Но это все тѣ горы, которыя мы видѣли вчера; снѣжной цѣпи еще не видно. Предъ нами все еще степь, впереди сливающаяся съ голубымъ небомъ.

Однако становится жарко: солнце значительно поднялось и нещадно жжетъ насъ. Лошади стали идти лѣнливѣе. Клонить невольно къ дремотѣ.

И вдругъ, около полудня, дорога, направлявшаяся до сихъ поръ по равнинѣ, повернула сразу направо внизъ въ глубокой оврагъ, и нашимъ глазамъ предстала чудная панорама: горы, шедшія параллельно дорогѣ, раздвинулись, и въ пространствѣ, образовавшемся здѣсь, мы увидѣли роскошную горную снѣжную цѣпь. Это была поистинѣ великолѣпная картина. Ближайшія горы, покрытыя травой, казались убранными дорогимъ зеленымъ бархатомъ; налѣво бѣлѣлъ двуглавый исполинъ Эльбрусъ со своими вѣчными снѣгами; все-же пространство отъ него до крайняго праваго пункта поля нашего зрѣнія было заполнено темными массами лѣсистыхъ и скалистыхъ горъ, поверхъ которыхъ бѣлѣли и сверкали на солнцѣ снѣга. Внизу была глубокая пропасть, на днѣ которой, усѣянномъ бѣлыми камешками, протекалъ прозрачный ручеекъ, а наверху—голубое безпредѣльное небо, и на немъ такъ ярко свѣтило солнце!

Однако, не долго мы любовались этой картиной: дорога такъ круто спускалась внизъ на дно оврага, что пришлось слѣзть съ линеекъ, которыя, между тѣмъ, загормосили и съ большими предосторожностями стали спускаться внизъ. Спускъ былъ продолжителенъ и, когда онъ окончился, то и лошади, и люди значительно утомились. Отсюда оставалось не болѣе версты до Маріинскаго аула, гдѣ мы хотѣли остановиться и отдохнуть. Это—очень длинный татарскій поселокъ, раскинувшійся въ глубинѣ лощины. Въ немъ есть лавки, гдѣ за недорогую цѣну можно достать молока и яицъ—продуктовъ, столь необходимыхъ въ дорогѣ. Черезъ полчаса мы были въ аулѣ.

Послѣ небольшого отдыха на берегу ручья, когда жара немного уменьшилась, мы поѣхали въ дальнѣйшій путь. Теперь дорога шла уже зигзагами по склонамъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Начинаясь настоящій Кавказъ, хотя до снѣговъ было еще далеко. Что за живописная мѣстность! Справа — отвѣсныя горы и скалы, какъ-бы уходящія въ небо; впереди — каменистая дорога, а слѣва — глубокая пропасть, настолько глубокая, что жутко въ нее смотрѣть. Дно ея покрыто деревьями, и среди нихъ серебристой лентой вьется небольшой ручеекъ.

Вечеромъ, когда уже начало темнѣть, мы пріѣхали въ Георгіевско-Осетинское селеніе. Около версты предъ тѣмъ мы ѣхали по теченію рѣки Кубани. Это — узкая и крайне стремительная рѣка. Цвѣтъ воды ея — мутно-бѣлый. Переѣхавъ по деревянному

мосту, мы прибыли въ поселокъ. Онъ очень большой и издали напоминаетъ собою уѣздный городъ. Расположенъ онъ въ широкой долинѣ, сдавленной съ двухъ сторонъ лѣсистыми горами. Населенія его составляютъ осетины, исповѣдывающіе православную вѣру. Среди селенія стоитъ маленькая деревянная церковь, около которой расположена отличная школа. Въ ней мы и остановились.

На слѣдующій день (20 числа) въ 6 часовъ утра мы уже выѣзжали изъ поселка. Теперь мы ѣхали по Военно-Сухумской дорогѣ, которая проходитъ чрезъ это селеніе. До сихъ-же поръ путемъ нашимъ была обыкновенная проселочная. Военно-Сухумская дорога представляетъ изъ себя шоссеиный путь съ шириной, достаточной для того, чтобы разѣхаться двумъ экипажамъ. Начиная съ Георгіевско-Осетинскаго селенія, она расположена по берегу рѣки Тиберды, берущей свое начало въ горахъ и впадающей въ Кубань около этого-же селенія.

Тиберда—типичная горная рѣка и красивѣйшая на Кавказѣ. Еще издали при приближеніи къ ней слышенъ глухой шумъ. Когда-же станешь совсѣмъ близко отъ нея, шумъ становится невыносимымъ. Сдавленная съ двухъ сторонъ каменистыми горами, Тиберда, подобно дикому звѣрю, стремится разорвать и уничтожить свои оковы. Съ ужаснымъ грохотомъ мчитъ бурливая рѣка чрезъ громадные скалы и камни и, разбиваясь объ нихъ на миллионы брызговъ, превращается въ сплошную пѣну. Что-то дикое и неуправляемое въ такомъ бѣшенномъ стремительномъ теченіи. Цвѣтъ воды ея такой-же, какъ и въ Кубани. Температура очень низкая по сравненію съ окружающей. Скалистые берега покрыты хвойнымъ лѣсомъ, и это составляетъ великолѣпный контрастъ съ молочно-бѣлымъ цвѣтомъ ея воды.

Около полудня мы остановились въ лѣсу у дороги на берегу рѣки. Здѣсь былъ устроенъ отдыхъ, такъ-какъ жара была невыносима.

Часа въ 3 по полудни мы приѣхали въ Тибердинскій аулъ, населенный карачаевцами. Расположенъ онъ у подошвы горы на противоположномъ берегу рѣки. Чрезъ нее въ этомъ мѣстѣ перекинутъ хорошей мостъ. Здѣсь есть нѣсколько лавокъ. Аулъ этотъ, какъ и всѣ прочіе, очень большой. Отсюда дорога идетъ первое время по открытой долинѣ, а затѣмъ—по старому сосновому лѣсу. Далеко впереди виднѣются снѣга, рельефно выдѣляющіеся на синемъ фонѣ безоблачнаго неба.

Старый сосновый лѣсъ, по которому идетъ дорога, представляеть изъ себя настоящее лѣсное кладбище. Долгое время видишь вокругъ себя только бѣлые, оголенные стволы упавшихъ деревьевъ и громадные пни. То тамъ, то здѣсь, среди густой зеленой травы лежатъ эти гиганты-трупы. Среди стволовъ и пней растеть еще не мало громадныхъ сосенъ, но, большую частію, основаніе ихъ выжжено человѣкомъ почти до половины, и участь ихъ, такимъ образомъ, рѣшена. Тяжелое впечатлѣніе производитъ такая картина на наблюдателя. А кругомъ обычнымъ порядкомъ течеть жизнь: зеленѣеть трава, шумить и реветъ рѣка, свѣтитъ солнце...

Начало смеркаться. Послѣ жаркаго дня собрались тучи и пошелъ дождь. Къ счастью, для насъ онъ былъ почти незамѣтенъ, такъ-какъ громадные развѣсистыя деревья отлично защищали насъ.

Часамъ къ 9 вечера мы пріѣхали на одну лужайку, гдѣ извозчики предполагали сдѣлать ночевку. Между тѣмъ трава отъ все время непереставшаго дождя была на столько мокра, что объ отдыхѣ на землѣ нечего было и думать. Мы запротестовали противъ этого и только послѣ долгихъ просьбъ заставили извозчиковъ ѣхать до первой сторожки, гдѣ можно-бы высушиться и отдохнуть. Требованіе извозчиковъ было, конечно, вполне законно: лошади едва шли отъ усталости, становилось темно, а здѣсь была такая хорошая трава, которую трудно было найти дальше; но и наше положеніе было ужасно. Мы тронулись по лѣсной дорогѣ и версты чрезъ три достигли, наконецъ, сторожки. Но, къ великому нашему огорченію, она оказалась запертою и пустою, а хозяинъ ея былъ, навѣрное, въ это время въ лѣсу. Чтожь оставалось дѣлать? Мы двинулись далѣе. Теперь дорога крутыми зигзагами шла въ гору, а внизу въ темнотѣ ревѣла и грохотала скованная своими скалистыми берегами Тиберда. Мы шли пѣшкомъ. Нельзя сказать, чтобы наше расположеніе духа было пріятно; всѣ мы устали страшно, дорога была трудная; ночной мракъ, пронизываемый изрѣдка молніей, становился гуще и гуще, такъ что и въ двухъ шагахъ отъ себя ничего не было видно. И вотъ при такой-то обстановкѣ поднимались мы по зигзагамъ среди стараго лѣса, томясь ожиданіемъ достигъ поляны, на которой можно было-бы остановиться.

Наконецъ, вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ: мы увидали

поляну, окруженную громадными соснами. Здѣсь была сдѣлана ночевка. Былъ уже 11-й часъ вечера. Несмотря на вѣтеръ и небольшой дождь, мы развели огонь и, подкрѣпивъ свои силы небольшимъ ужиномъ, легли спать тутъ-же подъ старыми деревьями.

Уже значительно разсвѣло, когда насъ разбудили. Солнце взошло, но его еще не было видно за громадными горами и только снѣжныя вершины, озаренныя первыми лучами свѣтила, могли привѣтствовать его восходъ. Было свѣжо и сыро. Воздухъ былъ полонъ того аромата, который бываетъ только рано утромъ въ старомъ сосновомъ лѣсу. Природа пробуждалась отъ сна.

Собравши свой багажъ на одну линейку, мы остальные отправили обратно въ Кисловодскъ, такъ-какъ до перевала оставалось верстъ 12 — 13, а начиная съ него, мы должны уже были идти пѣшкомъ. Съ нами отправилось теперь двое извозчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ проводникъ. Около перевала есть контора; къ ней-то мы послали впередъ свои вещи, а сами пошли пѣшкомъ.

Идти вначалѣ было легко, такъ какъ дорога была ровная, да и шли большею частію лѣсомъ. По дорогѣ намъ встрѣтились два бѣдныхъ поселка кочевниковъ-горцевъ. Здѣсь за одинъ „абазъ“ (20 коп.) мы нашли достаточное количество хорошаго молока. Главное занятіе этихъ горцевъ — скотоводство. Тутъ-же невдалекѣ пасутся и ихъ стада.

По пути къ конторѣ, на широкой полянѣ намъ встрѣтилось великолѣпное озеро. Одинъ берегъ его — отлогій, покрытый травой; другой — гористый. Но главную красоту этого бассейна составляетъ вода, прозрачная и чистая, какъ кристалль. При полномъ отсутствіи волны и ряба ея поверхности она напоминаетъ собою громадное, тщательно отшлифованное зеркало, въ которомъ такъ отчетливо и рельефно отражаются скалы гористаго берега.

Отсюда оставалось около 5 верстъ до конторы. Часа черезъ полтора, измученные палящимъ зноемъ, мы достигли, наконецъ, ея. Это — довольно большой деревянный домъ, расположенный у самой подошвы громадной горы, среди стараго сосноваго лѣса. Невдалекѣ отъ нея протекаетъ Тиберда. Въ одной изъ комнатъ конторы былъ устроенъ чай. Въ ней-же и расположились мы отдыхать. Вся оставшаяся часть дня была посвящена на отдыхъ предъ тѣмъ тяжелымъ путемъ, который ожидалъ насъ завтра.

И вотъ наступило это „завтра“ — день, наиболѣе выдѣляющийся изъ прочихъ дней пути и потому особенно памятный намъ.

Въ этотъ день намъ надлежало перейти чрезъ Клухорскій переваль. Перейдя на другую сторону горнаго хребта, мы были-бы болѣе чѣмъ на полпути къ Сухуму.

Утро было довольно холодное. Мы поднялись въ 4 часа, собрали свой багажъ, сложили его въ мѣшки, нарочно взятые для этого извозчиками, и навьючили ихъ на 5 лошадей, которыя отправлялись съ нами. Часа чрезъ полтора небольшая наша партія выходила изъ конторы.

Дорога сразу пошла въ гору. Было два пути для того, чтобы достигнуть вершины перевала: зигзаги и прямой. Нашъ проводникъ избралъ послѣдній. Начали взбираться по узкой, усеянной крупными и мелкими камнями дорожкѣ, проложенной среди густой травы почти по вертикальному направленію вверхъ. Нужно было достичь такимъ образомъ Тибердинскаго озера, находящагося недалеко отъ вершины перевала. Не легкокъ былъ этотъ путь! Каждую минуту приходилось наткаться на камни и часто цѣпляться руками за траву и землю. Обувь скользила по травѣ, а камни причиняли ногамъ сильную боль. Приходилось чрезъ каждые 15 — 20 минутъ дѣлать небольшія остановки. Наконецъ мы достигли озера. Оно представляетъ изъ себя красивый бассейнъ съ водою голубоватаго цвѣта. На поверхности ея плаваютъ льдины. Со всѣхъ сторонъ озеро окружено горами и напоминаетъ собою скорѣе вершину громаднаго вулкана. Отсюда беретъ свое начало рѣка Тиберда и спускается ввидѣ красивѣйшаго водопада внизъ въ долину.

Постоявъ около озера, мы отправились далѣе вверхъ. До вершины перевала оставалось теперь немного. Мы скоро достигли ея. Это—большая площадь-впадина, покрытая глубокимъ снѣгомъ и находящаяся на высотѣ приблизительно 9500 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ большими трудностями спустили лошадей со скалъ на снѣгъ, предварительно снявъ съ нихъ багажъ. Затѣмъ снова навьючили его на лошадей и тронулись. По снѣгу пришлось идти около версты. Тамъ, гдѣ онъ оканчивался, начинался уже спускъ. Но если намъ трудно было взбираться на гору по прямому направленію, то спускъ оказался еще труднѣе. Причиною этому были лошади. Тѣ скалы, съ которыхъ можно было съ небольшимъ трудомъ спуститься человѣку, были почти непроходимы для лошадей, особенно съ тяжелымъ багажемъ. Поэтому приходилось нѣсколько разъ снимать и снова привязывать къ

нимъ свои вещи. Дорога спускалась внизъ такъ-же круто, какъ и поднималась. Повсюду были скалы. Узкая тропинка (если ее только можно назвать тропинкой) вела внизъ во многихъ мѣстахъ почти по отвѣсному направленію; подъ ногами опять были камни и камешки, летѣвшіе внизъ при ходьбѣ и дѣлавшіе болѣе затруднительною и безъ того скользкую дорогу. Однажды лошадь, которую велъ проводникъ, поскользнулась и упала съ небольшой скалы на груду камней, увлекая съ собою послѣдняго. Къ счастью, высота была незначительна и упавшій отдѣлался одними ушибами.

Вскорѣ послѣ этого ужаснаго спуска со скалъ начались опять снѣга. Теперь не столько было трудно лошадямъ, сколько людямъ. Лошади своими подковами врѣзались въ снѣгъ; но наша обувь скользила здѣсь хуже чѣмъ на скалахъ. Мы перестѣкали покатыя снѣжныя горы въ ихъ серединѣ, такъ какъ настоящая дорога, по которой можно было-бы ѣхать, вся была подъ глубокимъ снѣгомъ. Ноги поминутно скользили; приходилось иногда катиться внизъ и взбираться опять вверхъ при помощи рукъ и ногъ. Наконецъ снѣга кончились (хотя и не совсѣмъ: мы встрѣчали ихъ и на слѣдующій день). Теперь мы спускались внизъ по травѣ въ долину, въ которой шумѣла, низвергаясь съ высоты, небольшая рѣчка. Преодолѣвъ всевозможныя трудности, мы достигли, наконецъ, ея. Около рѣчки былъ устроенъ небольшой приваль.

Послѣ краткаго отдыха мы продолжали свой путь. Былъ уже 4-й часъ пополудни. Поднявшись немного вверхъ на настоящую дорогу, мы пошли теперь зигзагами, что было гораздо легче. Несмотря на утомленіе отъ такой трудной дороги, какъ переваль, нельзя было не восхититься красотами, которыя открывались взору ежеминутно.

Мы были сейчасъ въ самыхъ нѣдрахъ того дикаго суроваго Кавказа, о которомъ такъ много мечтали. Повсюду видны только громадныя угрюмыя голыя скалы. Далеко внизу серебристой змѣйкой извивается рѣчка и пропадаетъ вдали за поворотомъ горы. Узкая дорога, прорубленная въ скалѣ, вьется по ея склону; направо — пропасть, а за ней и налѣво — громаднѣйшія, какъ-бы въ небо уходящія каменные горы. Какая грозная и вмѣстѣ величественная и красивая картина! Ничтожнымъ и одинокимъ чувствуешь себя среди этихъ вѣковыхъ громадъ, гдѣ трудно

встрѣтить человѣка, и гдѣ царить глубокая тишина, нарушаемая только всплесками потоковъ. Да, вотъ—настоящій неприступный дикій Кавказъ со своими скалистыми горами, на вершинахъ которыхъ еще не ступала нога человѣческая!

Однако скоро нашу дорогу преградилъ тотъ водопадъ, который такъ красивъ среди скалъ и оживляетъ ихъ, являясь какъ бы необходимою ихъ принадлежностію. Не успѣли мы пройти и версты отъ мѣста стоянки, какъ увидали, что дорога испорчена. Она на столько была размыта водой, что лошадямъ не было никакой возможности пройти здѣсь; да и люди-то съ большимъ трудомъ и предосторожностями переходили чрезъ это опасное мѣсто. Дорога была размыта такъ, что ширина ея, правда на небольшомъ разстояніи, была менѣе аршина; да при томъ это была скользкая дорога. Достаточно было сдѣлать одно неловкое движеніе, одинъ лишній шагъ въ сторону, — и уже ничто не могло бы вернуть упавшаго къ жизни: еще не долетѣвъ до дна долины, онъ непременно разбился бы о тысячи острыхъ камней.

Часть изъ насъ возвратилась съ лошадми назадъ, на мѣсто стоянки, откуда спустилась въ долину и направилась по теченію рѣки, а другая — продолжала прежній путь. Часа чрезъ два мы соединились и шли теперь вмѣстѣ.

Дорога опять шла зигзагами, но, къ счастью, возвращаться назадъ не пришлось. Вскорѣ голыя скалы смѣнились горами, покрытыми лѣсомъ. Характеръ флоры теперь рѣзко измѣнился: начались великолѣпные лѣса, въ которыхъ преобладали чистоюжные растенія. Климатъ также рѣзко измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какой былъ до перевала: сталь мягче и влажнѣе. Сказывалось вліяніе Чернаго моря.

Часовъ въ 8 вечера, когда начало уже темнѣть, мы остановились въ лѣсу и устроили здѣсь ночевку. Понятно, что утомлены были страшно. Прошли версты 13—15 за этотъ день, но зато—какихъ верстъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Извѣстія и замѣтки.

Архіепископъ Казанскій Нинаноръ послѣ многократныхъ обращеній къ духовенству Казанской епархіи о неотложной необходимости учить народъ душеспасительному церковному пѣнію и

обязательному наученію всѣхъ молитвъ Господней, за царя и проч., вновь издалъ слѣдующее предложеніе: „Паки и паки прошу и молю вѣренное мнѣ духовенство всемѣрно позаботиться о томъ. По прошествіи же двухъ и трехъ лѣтъ я вынужденъ буду прибѣгать къ наказаніямъ небрегущихъ о предписанномъ многократно. Небрежные псаломщики и діаконны будутъ наказуемы за необученіе прихожанъ церковному пѣнію, а священно-служители— за необученіе прихожанъ общеобязательнымъ молитвамъ и особенно за необученіе дѣтей, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста. Ревнующіе же о семъ обученіи будутъ мною всемѣрно поощряемы наградами, въ чемъ прошу мнѣ помочь о.о. благочинныхъ“. („Смол. Епар. Вѣд.“ № 17).

На прошеніи діакона Большешальской церкви, Каргопольскаго уѣзда, Іоанна Кудряшева о рукоположеніи его въ санъ священника безъ производства ему экзамена, послѣдовала резолюція Его Пресвященства, Пресвященнаго Никанора, отъ 16 августа с. г. таковая: „Пусть всѣ знаютъ (пора), что экзамень не есть какой то налогъ, объ освобожденіи отъ коего надо просить; экзамень есть испытаніе—можетъ-ли церковно учить и исполнять должность сознательно, и также есть средство отъ умственной спячки духовенства, наконецъ, Епископъ погрѣшитъ смертно, если посвятить кого безъ испытаній, посему и кандидату нужно держать экзамень“. („Олон. Епар. Вѣд.“ № 24).

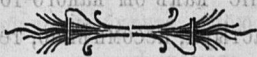
16 сентября у Пресвященнѣйшаго Стефана, въ его загородномъ домѣ въ Печерскѣ, въ 5 час. вечера состоялось собраніе Епархіальнаго Миссіонерскаго Совѣта.

Помимо обычныхъ вопросовъ Епархіальной миссіи, на этомъ собраніи обсуждался вопросъ объ учрежденіи по приходамъ, какъ сельскимъ такъ и городскимъ, кружковъ ревнителей вѣры и нравственности. Постановлено было обратиться къ православному населенію Могилевскаго края съ архипастырскимъ воззваніемъ съ призывомъ организовать въ кружки ревнителямъ православія на началахъ вѣроучительныхъ и моральныхъ. („Могилев. Епарх. Вѣд.“ № 19).

Вступленіе новаго пастыря на приходъ. Вступленіе вновь назначеннаго священника на приходъ совершается обыкновенно просто, буднично и... небрежно. Обыкновенно новый священникъ является въ назначенный ему приходъ, приступаетъ прямо къ совершенію церковныхъ требъ и службъ, самъ себя рекомендуетъ

прихожанамъ, проси ихъ при этомъ любить его и жаловать, и дѣло вступленія въ исправленіе священной должности этимъ считается устроеннымъ. Удостоверенія пастырскихъ полномочій новаго священника какимъ-либо представителемъ архіерейской власти въ присутствіи прихожанъ не бываетъ. Понятно, что отъ подобнаго порядка, ставящаго вновь назначеннаго священника въ необходимость самому удостовѣрять передъ прихожанами свои пастырскія права, самому назвать себя пастыремъ и чрезъ то произвести впечатлѣніе какъ-бы какого-то лица самозваннаго, — авторитетъ новаго пастыря, несомнѣнно, терпитъ въ глазахъ прихожанъ серьезный ущербъ. Нельзя, поэтому, не признать желательнымъ распоряженіе архипастыря Курскаго, каковымъ распоряженіемъ не только устраняется указанная небрежность, но и обставляется первое вступленіе священника въ приходъ такими торжественными дѣйствіями, которыя не могутъ не имѣть въ сферѣ приходской жизни самыхъ благоприятныхъ послѣдствій. Въ силу этого распоряженія, введеніе новаго священника въ приходъ совершается въ ближайшій воскресный или праздничный день мѣстнымъ представителемъ епископской власти — мѣстнымъ о. благочиннымъ. Новый пастырь въ присутствіи благочиннаго совершаетъ торжественно-божественную литургію въ храмѣ, къ которому назначенъ, причемъ за литургійнымъ богослуженіемъ обязывается сказать поученіе. По окончаніи литургіи, благочинный называетъ прихожанамъ новаго священника, какъ ихъ приходскаго пастыря, поучаетъ устроить взаимныя отношенія въ духѣ христіанскаго мира и любви и, наконецъ, въ заключеніе — вслухъ всѣхъ предстоящихъ громко прочитываетъ „святительское поученіе къ новопоставленному іерею“, коимъ вручается отъ епископа новому священнику пастырская власть въ данномъ приходѣ и преподаются добрые отеческіе совѣты къ мудрому устройству пастырскаго дѣла. Получается, такимъ образомъ, обрядъ, исполненный естественности, разумности и церковной торжественности. И не удивительно послѣ этого донесенія благочинныхъ различныхъ убѣдовъ и заявленія многихъ частныхъ лицъ, говорящія о сильномъ и благотворномъ вліяніи его на прихожанъ въ смыслѣ возбужденія у нихъ благочестивой настроенности и особеннаго почтенія къ поставляющей архипастырской власти и къ поставляемому Божию служителю. Такъ одинъ о. благочинный пишетъ: „обрядъ введенія въ должность священника, обрядъ по своей

новизнѣ, христіанской красотѣ и торжественности вызвалъ у прихожанъ высокое благочестивое настроеніе. Несмотря на огромное стеченіе народа, тишина въ храмѣ была поразительная; многие были тронуты, многие плакали“. (Тоб. Еп. Вѣд.).

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Къ вопросу о задачахъ современного паствыства. Т—ій.— Церковный уставъ о поклонахъ.—Отъ Кисловска до Сухума.—Извѣстія и замѣтки.

Редакторъ неоф. части, Архимандритъ **Алексій**.

Тула. 24 октября 1909 года. Дозволено цензурою.

Цензоръ священникъ **Александръ Моисеевъ**.

Типографія Е. И. Дружининой, въ Тулѣ.